

Родился 15.03.1988 году в г. Свердловске. Поэт, литературный критик, литературовед. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Кандидат филологических наук (тема диссертации – «Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. В. Маяковского»). Автор литературно-критических статей в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Лонг-листер (2010) и финалист (2013, 2014) премии «Дебют» в номинации «эссеистика». Лонг-листер поэтических премий «Белла» (2014, 2015), «Новый звук» (2014), призер поэтических конкурсов «Критерии свободы» (2014), «Мыслящий тростник» (2014). Участник Форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2010, 2011, 2012, 2014). Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Урал», «Гвидеон», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Бельские

просторы», «День и ночь», различных сборниках и альманахах, на сетевом портале «Мегалит», в антологии «Современная уральская поэзия» и др. Автор нескольких книг стихов. Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живу и работаю в Екатеринбурге.

* * *

Так пишут в речке вилами
о гибели вещей:
казнить нельзя помиловать
без запятых вообще.

Здесь запятых не надобно,
за миг до тишины,
раз выдоха параболы
творцу разрешены,

а точки нам заказаны,
как пустоте — зажим,
извечно недосказанный
язык незавершим.

Скребётся ноготочками
новорождённый стих,
мы ставим многоточия —
по сути, только их...

* * *

Смотрели, и не моргали,
и видели свет и боль,
так режут по амальгаме
своё отраженье вдоль

и делают поперечный
контрольный святой разрез,
и волчьей и птичьей речью
напичкан кирпичный лес.

Да кто я, стихи диктуя
себе самому впотьмах?
Так первого поцелуя
боится последний страх.

Так плавится мозг наш костный,
на крик раздирая рот,
так правится високосный,
вконец окосевший год.

Так ночью безлунно-сиплой,
когда не видать стиха,
бесшумно на землю сыплет
небесная требуха.

По скользкому патефону
скребётся игла зимы.
И в зеркале потихоньку
опять проступаем мы.

* * *

Горит звезда. В окно струится ночь —
нет лучше для стиха инварианта.
Но, фабулу пытаюсь превозмочь,
клубок из рук роняет Ариадна.

Пульс нитевиден. Голова болит.
Со всех сторон рассеяна Расея,
и звуков тупиковый лабиринт
теснится в горле пьяного Тесея.

Осиротел лирический плацдарм,
но боль в виске пульсирует не к месту —
всё это нужно, чтоб была звезда —
«Послушайте!..» И далее по тексту.

* * *

Марине Палей

Разводящий разводит круги по воде,
разводящий рифмует «езде» и «нигде»,
разводящий не я, разводящий другой,
он работает правой и левой ногой.

Мы сидим в одиночной. Одни. Взаперти.
От речей подкидных никуда не уйти —
ни в луга, ни в поля, ни дурдом разнести,
и никак разводящего не развести.

И тогда остаётся бежать до лотка,
где последнее слово идёт с молотка,
и назад возвращаться, уже налегке —
сонным телом по рыжей осенней реке.

И, буквально на буквы разбив буквари,
молча друга просить — говори, говори,
и надеяться только словить невзначай
из уснувших глубин — отвечай, отвечай...

* * *

Катись, катись, колечко,
по мякоти колец
и всё, что бесконечно,
закончи наконец,

чтоб я предстал — уравнен —
как О среди нулей —
лети, лети, журавлик,
сквозь стаю журавлей.

Довольно вшей корябать
у речи в парике.
Плыви, плыви, кораблик,
по твёрдой по реке.

И, встретившись с латуною
заплаканных лакун,
сквозь тишину блатную
кричи, кричи, крикун!

И через предфинальный
слепой фанерный мрак —
свети, свети, фонарик!
Молчи, молчи, дурак!

Скули немой скалою
под сухонький смешок.
Боли, боли, бывшее.
Стихай, стихай, стишок...

Слово лежит во рту,
будто бы лазурит.
Пламенем на спирту
не говорит — горит.

Вплавлена в плексиглас
сонная немота.
Тонущий в плеске глаз
не различит цвета

каменных мотыльков,
дымчатых облаков,
радужных угольков
и золотых песков.

Но стрекотанье звёзд
радует дурачка
до закипания слёз
на глубине зрачка.

Он подносил ко рту
карту кривых зеркал
и целовал их ртуть —
плакал, не умолкал.

Но наконец, умолк...
И показалось мне
в страшной, как серый волк,
сказочной тишине

звоном пустых кольчуг,
каплею на ноже —
что я ещё молчу,
но говорю — уже.